

ГОЛЛАНДСКИЙ ПЕТУХ

Тиха на экваторе ночь. Особенно ночь, заставшая вас посреди Тихого Океана, милях примерно в семистах западнее Галапагос, при полном отсутствии хоть какого-то ветерка. Ночь, при которой всё движение влажного тропического воздуха обусловлено исключительно скоростью хода научного судна.

А при эхолотном промере скорость корабля совсем небольшая, не превышает пяти узлов. Машина при такой малой скорости работает так тихо, что на верхней палубе её почти не слышно. Тишину нарушает лишь изредка плюхнувшая о борт случайная волна да летучая рыба, залетевшая на низкую рабочую корму судна. Шлётнется такая рыбёшка размером с небольшую селёдку и некоторое время прыгает по палубе, трепеща своими длинными крыльями-плавниками. Потом затихнет и опять тишина гробовая и полный штиль. Ни ветерка, ни плеска, ни единого голоса на «Академике Страхове» не слышно. На всём судне бодрствуют три человека: штурман, который у штурвала стоит, с ним матрос вахтенный, и я единственный бодрствующий научный сотрудник, у которого тоже своя ночная вахта. Естественно, где-то глубоко в трюме ещё дежурный механик не спит, и радиостанция в своей радиорубке чутко подрёмыает. Но поскольку нам их не видать, и в дальнейших событиях участия они не принимают, то мы ими обоими в этом рассказе можем попросту пренебречь.

Но вернусь в свою лабораторию. Здесь работает цветной монитор и тихонько пощёлкивает многолучевой эхолот - последнее акустическое, по тем временам, чудо техники. Эхолот ощупывает структуры морского дна, компьютер фиксирует показатели всех его пятнадцати лучей, обобщает полученную информацию, обрабатывает и записывает на жёсткий диск. В результате такой работы строит он узкую полосу карты рельефа морского дна вдоль галса нашего исследовательского судна. И продолжаться будет моя ночная вахта до восьми утра, пока не придёт мне на смену Серёга Жиндарев. Самым малым ходом идёт научное судно северным галсом вдоль западного склона восточно-тихоокеанского поднятия. Но вижу я на экране монитора, что мы уже пересекли трансформный разлом, сползли потихоньку с отклонившегося на северо-восток хребта и теперь под нами простирается ровная, как стол, абиссальная равнина. А это значит, что в ближайший час-полтора, эхолот вполне справится самостоятельно, в простом автоматическом режиме. А раз так, я с чистой совестью могу оставить прохладную лабораторию, чтобы подышать влажным тёплым, но натуральным морским воздухом. А за одно полюбоваться на звёздное небо.

Здесь стоит упомянуть, что лаборатория моя находится на самой верхней палубе судна, рядом с капитанским мостиком, и разделяет нас не более десяти метров. Выхожу я на палубу и любуюсь сверкающими звёздными скоплениями. И хотя звёзд над экватором намного меньше, чем в высоких широтах северного полушария, и выглядят они потусклее из-за экваториального атмосферного максимума, всё равно небо совершенно фантастическое. Ориентироваться в нём, кстати, очень просто, ибо две яркие звезды Ригель и Бетельгейзе висят на экваторе прямо над головой, образуя как бы противоположные концы стрелки огромного компаса, в центре которого три всем известных звезды Пояса Ориона.

Временами над головой спутники пролетают. Их по малой скорости распознать легко. Изредка метеориты стремительно прочерчивают небо в разных направлениях. А если повезёт, то очень редко можно увидеть НЛО, которые удивляют необычной траекторией полёта. Разговоров тогда на корабле на несколько дней хватает. Но об НЛО мы как-нибудь можем отдельно поговорить. В эту же ночь, кроме пары неторопливых спутников, ни один объект в звёздном небе не обнаружился. Ну, если на небе смотреть нечего, то стоит внимательнее присмотреться к океану. Тропические воды тоже богаты на разные сюрпризы, в том числе и хорошо видимые даже самой тёмной ночью. Наиболее из них интригующие это, конечно, гигантские морские змеи и светящиеся кольца. Змеи чаще на шельфе обитают. Особенно много их у берегов Юго-Восточной Азии. А вот кольца можно встретить посреди океана. Они излучают слабый голубоватый похожий на звёздный свет, всплывая из бездонной глубины чуть ли не к самой поверхности воды. Размеры их бывают самые разные. Некоторые моряки утверждают, что видели кольца, достигающие несколько метров в диаметре. Но сам я таковых не встречал ни разу. Биологи полагают, что это какие-то виды морского планктона собираются в колонии и путешествуют таким образом по океану, отпугивая врагов необычными размерами. Но всё это, во-первых, не доказано, а, во-вторых, я сам видел, как кольца слишком быстро всплывают и также быстро погружаются. А свет в них переливается по кругу, словно разряд электрического тока в новогодней гирлянде. Непохоже чтобы планктон так себя вёл. Так что с кольцами не всё пока понятно, но интересно. Увы, явление это крайне редкое, и в ту ночь никаких колец не было. Океан за бортом чернее ночи. Только у самой ватерлинии, начиная от форштевня, рассекающего водную гладь, и вдоль всего борта наблюдается еле видное свечение потревоженных ходом судна микроорганизмов.

На какое-то время внимание моё привлекла поднимающаяся из глубины медуза. И чем ближе она подплывала к поверхности воды, тем лучше её было видно. Медузу такого размера только в Тихом океане можно встретить. Её лимонного цвета купол размерами напоминает раскрытый парашют. А толстые длинные щупальца уходят на несколько метров в глубину. Всплыv к самой поверхности, по-видимому, привлечённая светящимися микроорганизмами, медуза повернулась у борта на бок и какое-то время пыталась плыть параллельным с кораблём курсом. Величина её поражала. Но всё-таки с верхней палубы мне было не просто оценить её истинные размеры. Поэтому я быстро спустился вниз, чтобы получше разглядеть это морское чудо. Увы, пока я спускался, медуза уже отстала. Зато океан теперь был совсем рядом и дышал на меня мягким ароматом тёплых тропических вод. Чёрный, он едва шелестит за кормой, и ничего кроме слабо светящегося планктона у самого борта не видно. Не видно ничего и вдали.

Непроницаемая мгла окружает «Академик Страхов» до самого горизонта. А впрочем, что это такое вдали виднеется? Очень далеко по правому борту вижу я небольшую светящуюся точку, за которой начинаю с любопытством наблюдать. Точка эта через какое-то время увеличилась и приобрела некие угловатые формы, оказавшись объектом, не похожим ни на что, что только можно себе представить посреди океана в два часа ночи. Вглядываюсь пристальнее, и понимаю, что объект этот только кажется маленьким, ибо находится на

значительном от нас расстоянии, близко, к невидимому горизонту. И светится необычным лиловым цветом. Такого цвета в океане обычно не встречается. Даже замысловатая игра солнечного заката такие пурпурные шалости себе не позволяет.

Вернулся я обратно на верхнюю палубу. Оттуда, думаю, мне будет видно лучше. И продолжаю недоумевать по поводу обнаруженного мной объекта. И скоро становится мне очевидным, что объект не стоит на месте, а движется. И движение его направлено перпендикулярно к нашему курсу. А по мере своего приближения, он становится всё отчёлвее, ярче и светлее. И теперь можно уже вполне ясно разглядеть его форму, которая, хотя и необычная, но вполне узнаваема по картинам Айвазовского или рисункам с детства знакомых книг Жюля Верна и Рафаэля Саббатини. Теперь я прекрасно вижу, что по правому траверсу у нас находится парусник. Да непростой, а двух или даже трёхмачтовый с перламутрово-розовым парусами. И не просто с перламутрово-розовыми, а с парусами, светящимися в ночи.

Что за чёрт, думаю. Ведь никак не может это быть реальный парусный корабль, поскольку находясь от нас по крайней мере в нескольких километрах, он уже сейчас обнаруживает аномальные размеры. На таком расстоянии наш «Страхов» должен выглядеть не на много больше крупной мухи. Ну, может быть, с кузнечика. А этот, по крайней мере, втрое больше и постепенно он всё ближе и постоянно увеличивается в размерах. И, конечно, совсем непонятно, почему паруса у него раздуваются при полном штиле и светятся странным переливающимся цветом. Последнее меня больше всего занимает и заставляет вспоминать всякие нехорошие морские истории, запас которых у каждого бывалого моряка всегда имеется. Поэтому очень скоро наблюдать сие сюрреалистическое явление в одиночестве мне становится некомфортно, и я решаю приобщить к нему свидетелей. При этом выбор у меня, как вы понимаете, невелик. Это дежурный штурман, обязанности которого в ту ночь выполнял первый помощник капитана и вахтенный матрос.

Те, кто ходил в загранку в годы социализма с человеческим лицом, конечно, помнят, что в рейсе это было печальное лицо первого помощника. Традиционно в советские времена главной обязанностью перпома было следить за моральным обликом строителей так некстати пошатнувшегося коммунизма на водах. Но либеральные идеи, которые быстро разъедали фундамент державной идеологии, уже не позволяли штатным рыцарям плаща и кинжала, как в прежние времена, ощущать своё высокое предназначение вдали от государственных границ. Многие из них в этот сложный период вообще переживали кризис жанра и испытывали сомнения в собственной необходимости. Зубы дракона стёрлись, и челюсти нехотя разжались в предчувствии глобальных преобразований.

Поэтому с конца 80-х перпомы не зверствовали, не занимались выслеживанием диссидентов и поиском потенциальных бегунков на запад. Они даже перестали обращать внимание на то, что ребята в иностранных портах перестали сбиваться в пресловутые тройки, и осторожно начали осваивать не только портовые таверны, но уже осмеливались появляться на совсем ещё недавно невозможных для советского моряка Репербане и Гербертштрассе. Перпом Алексей Михайлович Берёзкин в этом плане ничем не отличался от своих

коллег. В рейсе он откровенно мучился бездельем, испытывая разочарование от потери нравственных и профессиональных ориентиров. Будучи человеком здравомыслящим, он фактически самоустранился от прямых своих обязанностей духовно-этического пастыря и надзирателя, и в долгом плавании занимался в основном чтением художественной литературы, закрывая пробелы в своём образовании. Загорая на верхней палубе, он часами созергал красоту безбрежного океана, и возможно, впервые в жизни смотрел на дальние страны, не через мушку идеологического прицела, а с открытыми глазами человека любознательного и даже доброжелательного. Хотя по привычке и прикрывал глаза тёмными стёклами кругленьких очков в золотой оправе. Иногда перпом Берёзкин составлял нам компанию во время охоты на кальмаров, или для того, чтобы сгнать пульку, высказывая во время игры суждения не только любопытные для человека его профессии, но и достаточно глубокие о будущем нашей многострадальной родины. Но в целом перпом вёл тихое и незаметное существование, стараясь, по возможности, никого не раздражать и не мозолить зря глаза членам экспедиции и команде вверенного его попечению корабля.

Наконец, утомившись от безделья, а может быть для того, чтобы не впасть в депрессию, вспомнил Берёзкин о второй стороне своей дуалистической профессии, и с согласия капитана стал иногда появляться у штурвала, выполняя не обязательные для него функции штурмана и настоящего помощника капитана. Сам капитан, хотя возражений и не имел, всё же не без волнения и с осторожностью доверял своему перпому вахту на мостике под присмотром опытного матроса. И если и оставлял его за штурвалом, то лишь в те часы, когда судно работало вдали от опасных берегов, а за бортом царил полный штиль. Вот таким образом первый помощник капитана Берёзкин и оказался в ту ночь на капитанском мостике у штурвала «Академика Страхова».

Захожу я в капитанскую рубку, которая находится, как я уже писал, буквально в десяти шагах от моей лаборатории, и слышу такой разговор.

- Скажи мне, Жулейкин, - спрашивает перпом у вахтенного матроса, - откуда у тебя такая говорящая фамилия? Не иначе прадед твой жуликом прослыл.

- Ничего подобного не было, - возражает матрос, по хитроватой морде которого сразу видно, что перпом недалёк от истины, и гены недобросовестного предка наверняка подают ещё о себе слабые остаточные сигналы. - Фамилия наша старая, и ни к каким жуликам отношения она не имеет.

- А откуда ж тогда она взялась, - посмеивается Берёзкин. Просто так фамилии в старину не давали.

- А она у нас от француза, - поясняет находчивый вахтенный.

- Брешешь ты, - говорит наш эрудированный перпом. - Нет у французов таких неблагозвучных фамилий. У них там всякие встречаются: Дюма, Гюго, Деголь или Делон в самом крайнем случае. А Жулейкиных нет среди французских фамилий.

- А я и не говорю, что Жулейкин французская фамилия, - продолжает настаивать на своём вахтенный. - Там всё проще было. Предок мой дальний французом был, бабка говорила, что из Марселя. Фамилия его не известна. Попал он в плен, когда из России выгоняли Наполеона. В плену женился на одной русской бабе из под

Смоленска, чтобы в Сибирь не попасть. Да так навсегда и остался в нашей деревне.

- Жизненная история, - соглашается перпом, - только непонятно, при чём тут Жулейкин?

- А при том, отвечает матрос, что звали французи Жюлем. И детей ихних стали в деревне звать по отцу жуликами. А при крещении всем им для благозвучности дали фамилию Жулейкины. Так мы Жулейкиными и живём с тех пор, то есть с самого 1812 года.

- Придумал ты, наверное, это всё, - усмехается снисходительно перпом. - Кто ж своих предков так далеко знает, чтобы аж с 1812 года? Я вот, например, дальше деда никого не знаю. Да и тот сам чекистом был и сгинул в горниле чекистских чисток. И фамилия у нас Берёзкины красивая, но не настоящая, а революционная, дедовский псевдоним.

Здесь он замолчал, а я воспользовавшись возникшей паузой, быстренько встял в их разговор.

- Не хотите ли, - говорю, - Алексей Михайлович, немного проветриться на палубе и полюбоваться на необычное явление по правому борту.

- Поставил перпом штурвал в автоматический режим под присмотр матроса и пошёл заинтригованный за мной. Вышел на палубу и ахнул.

- Это что ж там такое, мать твою, светится? - спрашивает меня.

Мне от такого его возгласа на душе сразу полегчало. Слава богу, думаю, значит это не какая-нибудь галлюцинация. Раз перпом тоже что-то видит, значит оно объективная реальность, а не плод моего воображения. С другой стороны, всё же беспокойно, поскольку Берёзкин, судя по всему, не готов предложить какое-либо разумное объяснение этой странной штуковине из всего его богатого кэгэбэшного арсенала познаний об окружающей действительности.

Но раз уж он меня спрашивает, то, я как человек, уже минут десять изучающий этот необъяснимый объект, говорю ему то, что своими глазами вижу.

- Мне кажется, товарищ перпом, что это парусник. И, судя по всему, идёт он прямо на нас самым полным ходом.

- Я не слепой, сам вижу, что это парусник, - отвечает Берёзкин, озабоченно, - но почему у него паруса горят?

А паруса действительно разгораются всё сильнее. И теперь они уже не лиловые и не розовые, какими первоначально казались, а по-настоящему алые с ярким оранжевым отливом на краях.

- Почему они светятся, - отвечаю, - понятия не имею. Может быть прожекторами с палубы подсвечиваются, или пожар у них на борту. Но обратите, Алексей Михайлович, внимание на размеры этой «крошки». Корабль у нас по траверсу не менее, чем в двадцати кабельтовых находится, а смотрите, как отчётливо его контуры видны. Это ж получается, что он раз так в пять побольше нашего «Страхова» будет.

- Точно, - соглашается перпом, - что-то слишком большой он для яхты. Ох, не нравится мне этот ночной призрак, посреди океана. Схожу-ка я, пожалуй, капитана разбуджу. Пусть сам посмотрит.

Спустился он палубой ниже, но ненадолго. Смотрю, возвращается один и на немой вопрос мой сконфуженно отвечает:

- Что-то подумал я, мало ли что это может быть. Скорее всего обычный учебный фрегат. Неудобно из-за такой ерунды человека будить среди ночи перед утренней вахтой. Давай, - говорит, - ещё за ним понаблюдаем.

Ну, что ж, значит будем наблюдать дальше. Перпом однако явно чувствует себя всё более неуверенно. И я догадываюсь, что он начинает сомневаться в реальности того, что видят его глаза. Одолевают его, по-видимому, точно такие же мысли, что и меня несколько минут назад. Потому заглядывает он в рубку и подзывает Жулейкина:

- Подойди-ка сюда на секунду, француз, скажи, ты что-нибудь по правому траверсу наблюдаешь?

Показывает он пальцем по направлению красных парусов, и с надеждой смотрит на озабоченную физиономию вахтенного матросика.

Тот поглядел на неопознанный плывущий объект и выдал безапелационно свой вердикт:

- Наблюдаю, товарищ первый помощник, справа по курсу Летучего Голландца, который идёт вроде на нас.

- Что ты мелешь, вахтенный? - сердито обрывает его перпом. - Ты Жулейкин, даже если и француз, всё же в первую очередь должен быть грамотным советским комсомольцем. Подумай сам, какие такие могут быть летучие голандцы посреди современного Тихого Океана?

- Так известно какие, - не смутившись отвечает вахтенный. - парусник такой только один ходит по океанам и морям. Он и называется Летучий Голландец. Его ни с чем другим ни один уважающий себя моряк не спутает. Вы сами-то поглядите, разве похож он хоть на какой-либо обычный корабль?

Пришлось перпому согласиться, что ни с чем подобным ему встречаться раньше не приходилось.

- А следовало бы вам знать, Алексей Михайлович, - с хитрой укоризной говорит наш матрос, - что вот уже лет триста ходит корабль-призрак по морям-оceanам без руля и без команды. Корпус у него чёрный, а паруса светятся в ночи. Встреча с ним печально кончается для любого корабля и смертельно опасна для команды. Поэтому, - подытожил вахтенный, - лучше бы нам поскорее убираться с его курса, а то в океане даже следов не найдут от всей нашей экспедиции. Такие случаи прежде не раз уже случались.

И так убедительно он это сказал, что у меня мурашки по спине пробежали.

- Ладно тебе страшилки нам рассказывать, - говорит перпом слегка дрогнувшим голосом. Всё-таки материалистически он был основательно подкован долгими годами специального училища. Понятно, что его там натаскивали в разную чертовщину не верить, и неукоснительно отклонять любого рода мистификации.

- Никаких разумных доказательств существования в природе твоего Летучего Голландца не установлено, - говорит он не очень, впрочем, уверенno.- А следовательно, все эти морские байки есть ни что иное, как миф или вражеская провокация.

- Конечно, - с готовностью соглашается матрос, - начальству всегда виднее. И наверное, всё так и есть, как вы говорите, товарищ перпом. Только объясните мне, что же мы тогда с вами видим собственными глазами, если оно не Летучий Голландец?

- Почем же я знаю, что это? - отвечает мучимый этим же вопросом Берёзкин, - Вполне возможно, что мы наблюдаем испытание нового оружия нашим потенциальным противником. Известно, что западные партнёры наши недавно начали строительство авианосца нового поколения. Очень может быть, что это он самый и есть.

- Ну, вряд ли, Алексей Михайлович, - вмешиваюсь я, - авианосец будет оснащён парусами, не совместимыми с его основной функцией плавучего аэродрома. К тому же не обычными парусами, а красными и светящимися, за несколько миль видимыми. В военном флоте неоновая реклама, вроде, прежде никем не применялась.

- Хорошо, не сдаётся перпом, - не исключено, что мы стали свидетелями приводнения американского спускаемого космического аппарата. А светящиеся паруса выполняют также роль антенны, и предназначены, как для дрейфа в океане, так и для быстрого обнаружения.

- Гипотеза безусловно красивая, - соглашаюсь я, - с одним маленьkim изъяном. Величина этой приводнившейся в океан капсулы должна быть, как минимум с двенадцатиэтажный дом. Это же какая такая ракета должна была вывести такую машину в космос?

Задумался перпом в поисках иных подходящих объяснений. Одно за другим отметались предположения о взрыве подводного вулкана, об атомной субмарине, выстреливающей баллистическую ракету, и даже о терпящем бедствие НЛО.

А матрос, между тем, не дурак, он уже к монитору радара сгонял, проверил и назад вернулся с торжествующей ухмылкой.

- Зря вы не верили мне, товарищ первый помощник. На радаре никакой засветки от парусника и в помине нет. Там вообще вокруг нас сто на сто пустота. Стерильно чисто. Ни островов, ни кораблей. А это значит, что перед нами совершенно точно Летучий Голландец. Вам любой моряк подтвердит, что только «голландец» не отбрасывает электромагнитной тени на радаре. Конечно, - продолжает он, - не много таких, кто бы лично голланца видел и потом мог бы точно его описать. Обычно свидетели этого явления под действием неведомого науке излучения с ума сходят и в море топятся. Вы наверняка помните, как в 1980 году яхта «Сассекс» врезалась в песчаную отмель в Бристольском заливе. На борту её не было ни души. А в судовом журнале было только две записи. Первая гласила: «Видим прямо по курсу Летучего Голландца». Вторая сделанная через полчаса после первой: «Голландец» полным ходом идёт на сближение». И далее только кляксы и пустые графы в журнале.

Нахмурился наш перпом, но ничего на этот раз матросу не возразил. Только с ещё большей подозрительностью стал вглядываться в парусник, который к нам всё ближе и ближе.

- А вот другой случай, - продолжает воодушевлённый Жулейкин, - произошло это немного раньше в 1970-м. Тогда испанский сухогруз Эль Кариб с концами пропал не дойдя до Доминиканы. Боцман Матвеич, который тогда на военном эсминце служил, рассказывал, что они как раз неподалеку от этого места на Кубу шли, и прямо перед исчезновением приняли последнее короткое сообщение испанца: «наблюдаю по курсу неопознанный парусник». И затем тишина в эфире.

Но самый загадочный случай произошёл в 1920-м году, когда бесследно пропала шхуна Кэролл Диринг. Обнаружили её только год спустя на банке Даймонд Шоулз. Никого из экипажа на шхуне не было. А самое удивительное, что в каютах компании были накрыты столы, по тарелкам разлит суп и чайник на камбузе был ещё горячим и свистел, как безумный. И из всей команды Диринга только две кошки истошно мяукая бегали по необитаемому судну. Об этом тогда вся мировая пресса написала. Обычно хитроватое лицо матроса Жулейкина преобразилось. Всё время, пока он рассказывал нам наводящие ужас истории, оно было непроницаемо серьёзным и даже в какой-то степени торжественным.

Берёзкин же совсем приуныл. Он снял свои круглые очки и, пряча в сторону близорукие глаза, усиленно протирал стёклышки очков салфеткой. Возразить ему явно было нечего. Аргументы, на которые его в спецшколе натаскали, по-видимому, все закончились. Потом он взял в руки бинокль и повис неподвижно над фальшбортом, всматриваясь в светящийся корабль, словно трепетная Ассоль, которая в приближающихся алых парусах пыталась угадать контуры своей судьбы.

А вахтенный всё не унимается. Более того, теперь он явно вошёл во вкус и азартно продолжал свой печальный мартиролог.

- В 1880 году, - рассказывал он глухим не лишённым поэтического очарования голосом, - трёхмачтовый барк «Атланта» исчез вместе со всем своим экипажем. А спустя год, его обнаружил экипаж «Эллин Остин». «Атланта» была цела и невредима, но без каких-либо признаков жизни. Никаких следов шторма, паники или грабежа на корабле также не было. И только в вахтенном журнале единственная всё та же зловещая запись: «из густого тумана на нас вышел корабль с красными парусами, без опознавательных флагов. Он нас преследует». Поскольку корабль был английский и в полной целостности, то капитан «Элен Остин» сажает на барк трёх своих моряков, и корабли один за другим возвращаются в порт Саусгемптона. Но вот незадача, на самом подходе к островам, корабли попадают в туман и на какое-то время теряют друг друга из виду. Только перед самым портом «Элен» наконец, выныривает из тумана и обнаруживает, что «Атланта» уже его ждёт. Правда, никаких сигналов не подаёт и людей у руля не видно. Капитан отправляет ещё троих на «Атланту». Тщательно обыскивают все помещения несчастного барка и никаких следов своих товарищей не обнаруживают. Капитан тогда поручает своему помощнику взять «Атланту» под управление и следовать за ним в порт. Однако и помощник, и все морячки отказались от такой сомнительной чести, поскольку поняли, что дело с «Атлантой» не чисто. Так и пришлось им бросить корабль в Северном море неподалеку от берега, и больше никто и никогда его не встречал.

И, наконец, за сорок лет до этого случая в 1840-м корабль «Розали» также был обнаружен без людей. Только собака и попугай на борту были живы и невредимы. Был ли там «голландец» или нет доподлинно неизвестно. Но симптомы очень схожие. Тут я ему:

- Стоп, Жулейкин. А ты с датами точно ничего не путаешь?

- А чего тут путать, - удивляется вахтенный, - я на память не жалуюсь. Могу запросто по фамилиям перечислить основные составы финалистов прошедшего футбольного

чемпионата мира. Могу с немцев начать, или с Аргентины, если желаете. Проверять мы его, однако, не стали.

- А ты обратил внимание, Жулейкин, - спрашиваю я его, - что все названные тобой даты с 1980-го по 1840-й как-то странно кратны десяти? Прикиньте, мужики, что это означает?

- То, что сейчас 1990-й год, который тоже кратный десяти, - догадывается наш сообразительный перпом. И опять биноклем упирается в красные паруса и оторваться от них не может.

- То-то и оно, - говорю. - Если Жулейкин не врёт, то появление перед нами Летучего Голландца в нынешнем году абсолютно закономерно.

Тут перпом совсем развелся и даже покраснел сквозь свой двухмесячный тропический загар. Протягивает мне свой бинокль.

- Глянь ка, - говорит встревоженно, - уже его мачты видны. И на гроте какой-то вымпел развевается.

Я смотрю, но никаких мачт и близко не вижу. И вымпела не вижу тоже. Зато сияют паруса так ярко, что тут не то, что мачты, а вся святая троица привидеться может. Но главное вовсе не мачты, а то, что «Голландец» на моих глазах оторвался от водной поверхности и завис в воздухе на небольшой высоте, освещая под собой безбрежную морскую гладь слабым розовым светом. И всё это теперь прекрасно видно даже безо всякой оптики.

- Всё мужики, - говорит явно напуганный таким необычным взлётом перпом. - Это уже не шутки. Я на мостик и объявляю общую тревогу. Жулейкин срочно дуй к капитану, буди его. Скажи, у нас чрезвычайная ситуация, неопознанный Летучий Голландец прёт на нас по воздуху. А ты, Одиноков вырубай свою аппаратуру. Заканчиваем работы и уходим на запад. Сказал и исчез в рубке. Слышу только по громкой вызывает машину. А Жулейкин бросился приказ выполнять, побежал вниз за капитаном.

Через пару секунд серена завыла. Я пошёл в лабораторию, выключил запись и вернулся обратно на палубу. Смотрю с «голландцем» происходят необыкновенные изменения. Парусник, оставаясь всё также в воздухе, понемногу перемещается к корме и на глазах начинает менять свой облик. По-видимому, разворачивается. Нет, это мы оказываемся разворачиваемся, меняя курс на западный. Теперь Летучий Голландец находится уже у самой кормы, и я вижу что он превращается в один огромный парус в форме плоского сечения гиперболоида, высота которого никак не менее сорока угловых минут, а ширина в наиболее узкой средней части примерно вдвое меньше. И мало того, что форма светящегося объекта постоянно изменяется, парус этот ещё и зеленоватые лучи начинает в стороны испускать. Но такая живописная картинка не долго продолжалась. Ещё минута, и гиперболоид, словно живое существо, сперва задрожал, а затем вогнутые его бока стали раздуваться. И по мере того, как парус видоизменялся, он последовательно приобретал форму трапеции, прямоугольника и, наконец, превратился в багрово-красный овал. И только тут у меня появились смутные подозрения.

А «Страхов» наш между тем вздрагивает всем корпусом, движок его увеличивает обороты и судно полным ходом дует на запад, оставляя Летучего Голландца за кормой. Сирена при этом всё ещё воет, и сонный народ в чём

попало потихоньку подтягивается на палубу, что придаёт всей драматической картине особую пикантность. И в этот самый момент летучий голландец из овального паруса на глазах превращается в огромную красную Луну, которая уже не менее, чем на пару градусов поднялась над горизонтом и начинает понемногу бледнеть, приобретая более для неё естественный оранжевый оттенок.

Просто удивительно, какие живописные оптические эффекты порой возникают в тропиках во влажном ночном океанском воздухе.

Как раз в это время и капитан подоспел. Взбегает по лесенке, прыгая через ступеньки. Спросонья глаза трёт, на ходу брючный ремень пытается застегнуть и от души матерится с использованием изысканной морской терминологии. Очень, видать, торопится на выручку своему перпому...

.....

После того случая, капитан велел Берёзкину к штурвалу не подпускать. А ночью ему вообще было запрещено появляться не только на мостице, но и на верхней палубе.

Команда, которой матрос Жулейкин в красках описал это происшествие, в качестве компенсации за прерванный посреди ночи сон, получила большое удовольствие. А перпомома до конца рейса за глаза звали «голландским петухом».

Со мной же Берёзкин до самого возвращения в Калининград ни разу даже не поздоровался. А вообще мужик он был неплохой. Просто очень впечатлительный оказался и в своих убеждениях нетвёрдый.